

СВОИ

РУТА ВАНАГАЙТЕ

ЭФРАИМ ЗУРОФФ

СВОИ

ПУТЕШЕСТВИЕ

С ВРАГОМ

Перевод с литовского

Александры Васильковой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622
В17

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ванагайте, Рута

В17 Свои. Путешествие с врагом / РУТА ВАНАГАЙТЕ, ЭФРАИМ ЗУРОФФ; пер. с лит. А. ВАСИЛЬКОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 416 с. (Памяти XX века).

ISBN 978-5-17-107177-6

Книга литовской писательницы и журналистки Руты Ванагайте, написанная при участии Эфраима Зуроффа, вышла в 2016 году, в год 75-летия трагических событий 1941 года, когда в Литве были уничтожены практически все евреи. Всего в 1941–44 годах в Литве погибло около 200 тысяч евреев. В литовских лесах насчитывают 227 мест массовых убийств. В книге приведены документы того времени, показания людей, участвовавших в расстрелах. Ванагайте с известным охотником за нацистами Эфраимом Зуроффом отправляется в путь по местам, где убивали евреев, и общается с оставшимися в живых очевидцами тех событий.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-17-107177-6

- © 2017 Ruta Vanagaite and Efraim Zuroff
- © А. Василькова, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО «Издательство АСТ», 2018
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Светлана Алексиевич. Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом</i>	9
<i>Кристоф Дикман. Как относиться к преступлениям “своих”?</i>	11

Часть первая Путешествие во тьму

I. “ОПЯТЬ ПРО ЕВРЕЕВ?”	
Как все начиналось	25
Моя родня — жертвы или нет?	31
“Быть евреем” — игра с последствиями	35
Евреи — кто они такие?	41
Очная ставка с врагом	51
Несем ли мы ответственность за свою историю?	57
II. СВОИ. ДЕТИ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ	
Лаймонас Норейка	61
Юлюс Шмультис	63
Антанас Кмеляускас	64
Марцелиус Мартинайтис	66
III. СВОИ. ПОЛИТИКИ	69
Литовские активисты	73
Восстание	81
Временное правительство	85
Советники	97

IV. СВОИ. РАССТРЕЛЬЩИКИ ЕВРЕЕВ	
Национальный трудовой охранный батальон	105
Зубной техник и Компания	108
Летучие убийцы	116
Особые мужчины	121
Панеряй: портреты свидетелей	122
Портрет ученика	128
Портрет письмоносца	131
Тридцать лет спустя: сны убийцы	137
Портреты убитых	141
Несгоревшие в аду: свидетельство сжигавшего	147
Судьбы бойцов Особого отряда	150
Командированные убивать	153
Убийцы с человеческим лицом	169
V. ЛИТВА РАЗБОГАТЕЛА	177
VI. СВОИ. СПАСИТЕЛИ	183
VII. ВЗГЛЯД ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	
Интервью с историком	187
ПОСТСКРИПТУМ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ	199

Часть вторая
Путешествие с врагом

ПО ЛИТВЕ С ЭФРАИМОМ ЗУРОФФОМ	205
Эфраим Зурофф. Литва в моей жизни	207
Миссия выполняема? Разговор перед дорогой	215

ПУТЕШЕСТВИЕ

Линкменис / Лингмян	229
Швянчёнис / Свенцян	239
Каварскас / Коварск	251
Укмерге / Вилкомир	263
Шедува / Шадеве	275
Тельшяй / Тельш	289
Плунге / Плунгян	295
Плателяй / Плотель	301
Таураге / Тавриг	309
Бутримонис / Бутриманц	315
Паневежис / Понивеж	323
Каунас / Ковне	335
Вильнюс / Вильне	343
Беларусь / Райсн	349
ПРОЩАНИЕ С ВРАГОМ	357

Послесловие Где был Бог?

Разговор с Томасом Шярнасом	367
Разговор с ксендзом Ричардасом Довейкой	375
ЭПИЛОГ	385
<i>Эфраим Зурофф</i> . Литва и Холокост	395
Источники и литература	412

Светлана Алексиевич

Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом

Перед нами книга, которая должна была быть написана в девяностые годы, когда мы были больше открыты правде, но она появилась только сейчас. И все равно вовремя. Страшная книга. Хотя сказать, что книга о Холокосте страшная, ничего не сказать, но тут приближаешься к невозможному для слова. В маленькой Литве 227 мест — ям, рвов, где расстреливали евреев, где-то есть знаки, где-то нет, а где-то уже земля перешла к частному собственнику. Расстреляли 200 тысяч евреев. Почти всех евреев страны! Об этом хотели бы забыть — и военное поколение, а теперь и их внуки: среди убийц литовцев было больше, чем немцев, немцев сотни, литовцев тысячи. Были там простые деревенские парни, но не только, учителя, пасторы тоже были, потому что убийце надо не просто дать автомат в руки, но и вбить несколько идей в голову. “Откуда у нас в простых деревенских домах хорошая мебель и дорогие вещи, откуда золотые коронки?” — спрашивала писательница. Везде следы преступления... Немногие свидетели, которых она нашла, рассказывали шепотом. “Почему вы говорите шепотом?” — “Убьют”. — “Кто убьет?” — “Литовцы”.

Руте Ванагайте тоже угрожают. Ненавидят многие: родные, знакомые, политики... Все хотят быть жертвами, ни-

кто не хочет быть палачом. Мифы нравятся людям больше правды.

Вы будете плакать над этой книгой — плачьте, но плакать мало, надо думать. Думать о том, как быстро расчеловечивается человек, человека в человеке немного, тонкий слой культуры легко смахнуть. Никто из нас, из тех, кто двадцать лет назад радостно кричал на площадях: “Свобода! Свобода!”, не мог представить себе, что на месте коммунистической тирании вырастет много разных тираний. Опять убивать станет работой. Оглянитесь вокруг — отбоя нет от тех, кто готов делать эту работу. И уже делает.

Я не знаю, как спасти человека. Рута Ванагайте отчаянно хочет его спасти...

Кристоф Дикман,

Бернский университет

Как относиться к преступлениям “своих”?

Мне, немецкому историку, изучающему массовое насилие в Европе в годы Второй мировой войны, приходится время от времени возвращаться к одним и тем же характерным переживаниям. Книга Руты Ванагайте о них напомнила. Если всмотреться в историю Катастрофы, везде — в целых странах, в больших и малых городах, в частных судьбах — мы увидим одно и то же: невероятную жестокость, чудовищное насилие, немыслимые зверства, страдания огромного множества людей. У всех, переживших Вторую мировую войну и Катастрофу на оккупированных территориях Восточной Европы (да и не только там), остались глубокие раны и шрамы. Сегодня мы точно знаем: все причастны, так или иначе вовлечены были все. Власть и выбор — ключевые понятия этого времени. Поэтому так важно взять на себя ответственность за историю своего народа, не ту, какой нам бы хотелось ее видеть, но за невымышленную историю, насколько мы можем ее знать. Часто память нас подводит; задача истории — исправить ее ошибки. Непредвзятый, открытый новому знанию взгляд на исторические события создает куда более надежную основу для собственной жизни и сосуществования друг с другом, чем законсервированные примитивные мифы,

в которых мы восхищаемся славными героями, оплакиваем их самоотверженную гибель, скорбим о жертвах и осуждаем злодеев. Реальная история гораздо сложнее и противоречивей, поскольку в ней мы имеем дело с живыми людьми, а не с упрощенной мифологией. Однако это единственная история, какая у нас есть, и она никогда не бывает сплошь черной или белой. Само по себе обстоятельное исследование мифов не ведет к кровопролитию; только когда ложно воспринятый миф побуждает демонизировать непохожих, в результате люди начинают убивать друг друга.

Смысл книги Руты Ванагайте предельно четко обобщен в ее названии — “Свои”. Одна часть населения Литвы уничтожила другую часть. Несколько тысяч литовцев лично причастны к убийству около двухсот тысяч литовских евреев, которые жили на этой земле. Не “они” убили “их”, а “мы” убили “нас”. Да, такое открытие ошарашивает, поскольку посягает на наше представление о себе. Мы ставим себя под вопрос, выходим из “зоны комфорта”.

Многие немцы, родившиеся через несколько лет после окончания войны, росли с убеждением: “Мой дедушка не был нацистом”. Злодеями были другие, но не мы. У Руты Ванагайте — такой же опыт. Узнать о том, что твоя родня причастна к убийствам литовских евреев, — огромное потрясение! История иногда причиняет боль, память ранит до крови. Катастрофа уничтожила не абстрактное “население”, она происходила не где-то, а совсем рядом с нами. Около трех миллионов литваков были убиты неподалеку от их домов. Сейчас в Литве — более двухсот двадцати мемориальных кладбищ, массовых захоронений и отмеченных памятными знаками расстрельных ям и рвов, а всего в Восточной Европе как минимум пять тысяч мест, в которых уничтожали евреев. Города, деревни, местечки — пространство этих событий, жившие поблизости крестьяне, соседи — их действующие лица, и они

испытывают вполне реальную, конкретную вину, стыд или гордость. Здесь история перестает быть прерогативой группы исследователей; она обращена ко всем, кто готов ее услышать, задавать ей вопросы, в постоянном размышлении и диалоге искать ответ.

Никто не обладает единоличным правом решать, кому подобает рассказывать. Конечно, потом мы можем спорить об источниках, точках зрения, интерпретациях, но каждую такую дискуссию надо рассматривать в более общем потоке других работ о литовском Холокосте — не только научных, но и публицистических, написанных как в Литве, так и за ее пределами. В противном случае нам грозят “религиозные войны”, в которых разумные аргументы только подливают масла в огонь.

Немецкая история памяти пережила немало горячих споров. Воспоминания, исторические интерпретации никогда не бывают статичными, но постоянно развиваются как ответ на предшествующие утверждения. Задающие формы и определяющие выражение межличностных связей и конфликтов “тексты памяти” постоянно меняются под воздействием социальных, культурных и политических контекстов, в которых мы живем. Они динамичны, многочисленны и многоголосны, разнятся в каждом социуме и в каждой группе. Как и что мы хотим помнить, что хотим забыть, как воспринимаем собственное прошлое, определяется нашим нынешним выбором. Так происходит всегда, независимо от того, какую позицию выбираем и каких политических воззрений придерживаемся.

Катастрофа — страница европейской истории, хотя остальной мир к этой трагедии тоже причастен. Девяносто семь процентов жертв Холокоста не были “немецкими евреями”. Большинство из них уничтожены не в Германии, а на оккупированных или союзнических территориях. Совершенно очевидно, что любой националистический или этниче-

ский подход к пониманию происходившего сослужит, скорее, дурную службу. Осмысливать Холокост необходимо в общеевропейском контексте, поскольку упрощенные национально-этнические нарративы обнаружили свою несостоятельность. От исследователя требуется понимание разных языков и культур; представления о действующих лицах, причинах и следствиях предстоит переосмыслить в рамках открывшейся более сложной структуры отношений между оккупантами и оккупируемыми. Уже сейчас очевидно, что это не только история отношений между немцами и евреями, но в ней участвовали и другие народы. Объяснить ее одной-единственной причиной невозможно. Объемную картину того, что побудило разных людей уничтожать своих соседей, может дать только целостное изучение политической, социальной, культурной истории, тогда как любая узко-этническая трактовка трагедии приведет только к нелепому соперничеству, к соблазну меряться бедой. Кто больше всех страдал? Кого сильнее всех мучили? У кого больше палачей, а у кого — жертв? В ответ на эти бессмысленные вопросы, как правило, называют целый народ: “эти немцы”, “эти евреи”, “эти литовцы”, “эти русские”, “эти украинцы, румыны, венгры”. Но что дают такие споры? Эта циничная тяжба нужна разве что тем, кто делает ставку на политику национальной идентичности, поэтому не хочет иметь дело с настоящей историей, но всеми силами пытается превратить ее в “недра”, из которых можно добывать лишь то, что служит нынешним целям. Прошлое, таким образом, превращается в средство, ему не задают честных вопросов, не пытаются услышать правдивый ответ.

Политике идентичности нужны “зоны комфорта” и счастливые развязки. Открытые вопросы, уязвимость, пространственные, неоднозначные ответы не укрепляют “национальную гордость”, а напротив, угрожают ей. Повсеместно, где принята такая политика, можно видеть, как за “своими” за-

крепляется роль жертвы, тогда как палач — всегда “другой”, и это оборачивается жесткой нетерпимостью. Всякий, кто выходит из “зоны комфорта” и ставит трудные вопросы, посягает на невинность “своих” и, по сути, воспринимается как предатель. “Предатель” всегда на кого-то работает. Следовательно, если Рута Ванагайте осмеливается спрашивать “о неприятном”, она, вероятней всего, служит российским, еврейским, польским, немецким, но только не литовским интересам. Это довольно простой способ перебросить на другого стыд и вину, а заодно возложить на него труд ответа на неудобные вопросы. Популярность такой позиции свидетельствует о том, что свободу исторического исследования по-прежнему нужно защищать.

Призыв к открытому, самокритичному размышлению об истории не означает, что каждое слово, каждую мысль в книге Руты Ванагайте надо принимать на веру. Думаю, она и сама с этим не согласится. Книга написана человеком, который не воспринимает историю с ограниченно-этнических позиций, а скорее, переживает ее как гражданин, который верен своей стране, хочет, чтобы ее любили, и понимает, насколько полезно для общества неподвзятое отношение к собственной истории.

Взгляд на историю, который предлагается в этой книге, явно преодолевает ограничения традиционного национального подхода, поэтому очень важно, что появляются ее переводы. Нам дается возможность услышать тех, чей язык мы не понимаем, людей иной культуры, а это очень ценный и продуктивный опыт. Пусть эта книга найдет своих многочисленных читателей и побудит их обратиться к собственной истории главный вопрос, который задает Рута Ванагайте: как относиться к преступлениям “своих”?

Перевод с английского С. Панич